

Шэнь Цинжань метался, как муравей на горячей сковороде. Спрятав руки в рукава, он сделал пару кругов по луже размером метр на метр. Ему так хотелось достать лист бумаги, чтобы расписать все плюсы и минусы!

Но время не ждало. Если тянуть дальше и Сюэ Фэйфэн уйдет слишком далеко, то хоть сорви голос — никто не услышит. Останется только ждать, когда охотник придет забирать его труп.

Своя жизнь важнее.

К тому же, на нем висела Система, и жизнью было куда больше, чем одна — наверху, например, бегали еще десять собачьих душ.

Шэнь Цинжань принял мгновенное решение и закричал:

— Помогите! Ли Фэн! Я упал в яму!

Поначалу голос дрожал, выдавая долю неуверенности, но выпущенную стрелу не вернешь, и вскоре он вошел во вкус. Ему хотелось кричать Сюэ Фэйфэну прямо в ухо: живой или мертвый, пусть хоть буря разразится, главное сейчас — выбраться из этой ледяной грязной ямы.

— Помогите——

Фигура Сюэ Фэйфэна замерла, в его глазах промелькнул жестокий холод.

Он услышал голос двоюродного брата, но задержался лишь на мгновение.

Да какое ему дело до кузена! Он спешил найти Шэнь Цинжань, готовый убивать богов и демонов на своем пути. Даже если бы войска Бэйхуэй сейчас штурмовали город, он и бровью бы не повел.

Шэнь Цинжань затаил дыхание, сцепил пальцы и покорно поднял голову, ожидая появления Сюэ Фэйфэна. Он всерьез размышлял, какую бы принять позу, чтобы максимально смягчить гнев мужа. От волнения икры свело судорогой, так что пришлось опуститься на корточки.

.....

.....

Что происходит?

Почему шаги Сюэ Фэйфэна звучат все дальше и дальше?

Глупые псы, услышав его крик, затихли на мгновение, отчего тишина в горах стала еще более гнетущей. Единственная спасительная соломинка удалялась.

Губы Шэнь Цинжаня побледнели. Он даже представить себе не мог, что Сюэ Фэйфэн проигнорирует его крик о помощи.

Узнал, что он мужчина, переодетый женщиной, и от злости решил просто бросить его на произвол судьбы?

Его ресницы затрепетали, он моргнул с десятков раз и, внезапно о чем-то догадавшись, закричал надрывающимся голосом:

— Ли Фэн! Это я, Шэнь Цинжань! Я в яме, спаси... свисток сломался...

От одной только мысли, что Сюэ Фэйфэн мог оставить его, земля на дне ямы словно провалилась, низвергая его в бездонный ад — во всех смыслах этого слова.

Шэнь Цинжань оцепенел от ужаса. Он даже боялся сказать Сюэ Фэйфэну о сломанном свистке, поэтому последнюю фразу произнес сбивчиво, и она растворилась в плаче.

Ведь теперь, когда он заговорил, упоминание свистка было равносильно подливанию масла в огонь!

Сюэ Фэйфэн все-таки услышал, но не захотел отвечать, или же мчался так быстро, что не разобрал слов?

Шэнь Цинжань шмыгал носом, теряясь в догадках. Его острый подбородок упирался в локти. По поверхности воды расходилась легкая рябь, словно отголосок его мольбы, оставшейся без ответа.

Сюэ Фэйфэн услышал.

Рассудок разрывался между двумя мыслями: «Шэнь Цинжань — мужчина и умеет говорить» и «Кузен притворяется Шэнь Цинжанем». Но когда Шэнь Цинжань сквозь слезы проговорил, что свисток сломан, все встало на свои места.

Сюэ Фэйфэн бесчисленное множество раз представлял: Шэнь Цинжань так любит ластиться, и если бы она умела говорить, каким бы нежным и сладким был ее голос. Стоило бы ей только попросить, и Сюэ Фэйфэн отдал бы ей все, а если бы совсем потерял голову, то мог бы и армией пожертвовать ради забавы.

Единственный голос в мире, способный растрогать Сюэ Фэйфэна, должен был принадлежать Шэнь Цинжань.

Даже если это проклятый мужской голос!

Словно в стройную, гордую сосну ударила молния с небес: корни еще упрямо цеплялись за скалу, но кончики ветвей уже пылали, и огонь дотла спалил верхний слой коры.

Лицо Сюэ Фэйфэна помрачнело еще сильнее.

Когда он подошел к краю глубокой ямы и увидел сидевшего на корточках Шэнь Цинжаня — такого слабого, худенького, натерпевшегося бед, — последняя искра надежды в его сердце угасла. Мягкость исчезла, словно облака, разогнанные летней грозой.

Еще один человек обманул его.

Сверху упала тень. Каждая клеточка на теле Шэнь Цинжаня сжалась от страха. Он поднял голову, не смея даже моргнуть.

В тот момент, когда их взгляды встретились, Шэнь Цинжаню внезапно показалось, что это страшнее, чем замерзнуть насмерть.

— И почему ты вдруг замолчал?

Холодные слова ударили, как град. Шэнь Цинжань съежился; мутная вода под ногами с тихим

плеском шелохнулась.

— Прости.

Шэнь Цинжань замер, боясь, что любой лишний звук еще больше разозлит Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн со скрипом сжал кулаки, прыгнул вниз и вытащил сжавшегося в комочек маленького лжеца наверх.

— Свисток сломался, — бледный Шэнь Цинжань опустил ресницы, судорожно сжимая руками ворот одежды. — Я возмещу тебе ущерб.

Он просто искал, что сказать.

В мыслях Шэнь Цинжаня, как только его личность раскрылась, их брак с Сюэ Фэйфэном был расторгнут на месте. Между ними остались лишь осколки былого, и все разговоры сводились к разделу имущества.

Но эта фраза лишь разгневала Сюэ Фэйфэна. Он холодно усмехнулся:

— А если бы он не сломался никогда за всю жизнь?!

Так бы и обманывал его всю жизнь вместе с мастером Чжаном? Означало ли это, что все, кто знал истинное лицо Шэнь Цинжаня, объединились за его спиной и направили на него отравленные стрелы?

Неудивительно, что слово «мастер» так легко слетало с него, неудивительно, что двоюродный брат постоянно носил вуаль, скрывая лицо...

Опять он выдал желаемое за действительное. Сюэ Фэйфэн посмеялся над собой.

Дождался бы окончания праздника фонарей, вдоволь насладился бы зрелищем слепой влюбленности глупца, а потом с тайной усмешкой нашел бы тысячу предлогов для отказа?

Разве ему нужен был этот жалкий свисток?

Сюэ Фэйфэн смотрел на Шэнь Цинжаня, и гнев закипал в нем все сильнее. На парне не было живого места: в уголках губ запеклась кровь, одежда наполовину пропиталась грязью, волосы растрепались, лицо было перепачкано.

Что еще больше злило, так это то, что внешне он был все тем же — трогательным и беззащитным, вызывая щемящую боль в сердце!

Сюэ Фэйфэн заставил себя стать жестоким и отвернулся от Шэнь Цинжаня. Бесчисленные кровавые уроки прошлого кричали ему, что мягкосердечие становится ножом в руках врага, лезвием, разрывающим сердце.

Но краем глаза он не мог не следить за ним, за его знакомыми чертами, за его обиженным видом, за тем, как тот дрожащими руками распахнул ворот одежды, обнажив кусочек белой, нефритовой груди, никогда не видевшей солнца...

Что?!

Сюэ Фэйфэн опешил и сжал кулаки. Неужели Шэнь Цинжань решил, что на этом этапе таким

способом сможет искупить свою вину?!

Безумные фантазии.

Но его взгляд неконтролируемо блуждал по коже, в то время как великий генерал мысленно приказывал себе не поддаваться на уловку.

Он никогда не жаловал таких хилаков, как Шэнь Цинжань, которые и меч поднять не могут; в военном лагере полуголых крепких братьев по оружию было пруд пруди.

Кровь бросилась Сюэ Фэйфэну в голову, но он ни за что не хотел признавать, что ему нравится именно эта маленькая рыбка — и неважно, с костями она или без, самец или самка, он готов был прожевать и проглотить ее целиком, даже косточек не выплюнув.

Эта мысль мелькнула лишь на мгновение. Сюэ Фэйфэн твердо решил, что так отреагировал от злости на Шэнь Цинжаня.

Злился за обман, злился, что тот совсем не бережет себя!

— Ты что творишь! — Сюэ Фэйфэну хватило мельком взглянуть на грудь, чтобы вспылить, а когда Шэнь Цинжань начал развязывать пояс, его дыхание сбилось, а голос стал низким и свирепым.

Испуганный Шэнь Цинжань вздрогнул, покрасневшие уголки его глаз тут же снова намокли. Он посмотрел на Сюэ Фэйфэна и, указав на свою одежду, сказал:

— Свисток разбился внутри одежды.

Сюэ Фэйфэн подошел ближе и пригляделся: часть осколков вонзилась в кожу Шэнь Цинжаня, прочертив багровую линию, похожую на след клинка на снегу, под которым расцвела красная слива.

— Почему сразу не достал? — Сюэ Фэйфэн нахмурился и присел, осторожно извлекая осколки. Его пальцы скользнули по теплой, гладкой коже — перед такой нежностью склонил бы голову и свирепый волк. С холодным лицом он достал лекарство от ран, которое всегда носил с собой, и посыпал порошком порез.

— Я боялся, что они упадут в воду, — Шэнь Цинжань поджал губы, стойко терпя боль. Заметив, что Сюэ Фэйфэн небрежно выбросил осколки на землю, он в панике наклонился, чтобы собрать их, накрыв при этом ладонь мужа.

Герой гибнет в объятиях красавицы. Сюэ Фэйфэн, скрывая смятение за показной суровостью, прикрикнул:

— Не смей подбирать.

Шэнь Цинжань его не послушал. Это был первый подарок от Сюэ Фэйфэна, не считая поля сахарного тростника.

Сухие листья на горе лежали слоем толщиной больше десяти сантиметров. Шэнь Цинжань рылся в земле, едва ли не уткнувшись в нее носом от беспокойства.

Свисток уже ни на что не годился, но Шэнь Цинжань упорно искал его. Сюэ Фэйфэн схватил его за руку:

— Ты специально собираешь их, чтобы позлить меня?

— Нет, — Шэнь Цинжаню стало обидно. Теперь, когда они больше не супруги, Сюэ Фэйфэн, казалось, был всем недоволен. Контраст был слишком резким. Избалованный заботой с самого детства, попав в другой мир к другому человеку, Шэнь Цинжань впервые познал горечь отвержения.

Он быстро сгреб нефритовые осколки в ладонь, словно пытаясь удержать ускользающее тепло, но это никак не могло прогнать пробирающий до костей весенний холод.

Увидев, что Шэнь Цинжань почти превратился в ледышку, Сюэ Фэйфэн сказал:

— Сначала спустимся с горы.

Он молча отвернулся, ожидая, что Шэнь Цинжань сам заберется к нему на спину. У великого генерала были принципы: он не станет по собственной инициативе нести на спине маленького обманщика, чтобы тот не сел ему на шею.

Шэнь Цинжань не уловил скрытого смысла действий Сюэ Фэйфэна, да и если бы уловил, не посмел бы надеяться на такое.

У него больше не было на это права.

Он, шатаясь, поднялся на ноги и помахал рукой суесящимся в лесу глупым собакам:

— Гав, гав... идите сюда, за мной.

Пухлые щенки дружно подбежали и закружились у ног Шэнь Цинжаня. Ни один из них не доставал ему и до колена.

Шэнь Цинжань, подражающий собачьему лаю, выглядел довольно мило.

Сердце генерала слегка дрогнуло, но в следующее мгновение он увидел, как беззаботно Шэнь Цинжань возится с щенками. Двое из них, похожие на волкодавов из Бэйхуэя, крутились рядом и лизали одежду Шэнь Цинжаня. Во время ночной вылазки во вражеский лагерь на Сюэ Фэйфэна натравили таких волков, один укус которых доставал до кости.

— Этих двух брать нельзя, — нахмурился Сюэ Фэйфэн. Хотя сейчас они и казались глупыми щенками, кто знает, не укусят ли они хозяина, когда вырастут.

Шэнь Цинжань посмотрел на пушистых маламутов и спрятал их за спину. После трагической гибели кур и уток, он, попросив у Системы столько собак ради спасения своей жизни, ни за что не бросит ни одну из них.

— Я... я оставляю всех, — неожиданно твердо ответил Шэнь Цинжань. — Я сам заработаю на их пропитание, они не тронут твою еду.

Услышав это, Сюэ Фэйфэн махнул рукой и сердито зашагал прочь.

Да что это значит? Шэнь Цинжань огрызался чаще, чем за все предыдущие дни, вместе взятые. Более того, каждой фразой он пытался провести черту между ними, четко разграничивая, где чье.

Сюэ Фэйфэн вдруг осознал, что снова выдавал желаемое за действительное. Когда правда

раскрылась, единственным, кто зажал нос и продолжал притворяться слепым, с самого начала был только он сам.

Шэнь Цинжань не знал, что каждый раз давит на большую мозоль Сюэ Фэйфэна. Подгоняя стайку непослушных псов, он с трудом поспевал за женщиной, и расстояние между ними росло.

Он сбивчиво извинялся:

— Прости, мне не следовало переодеваться женщиной ради еды и крова, черт попутал...

Сюэ Фэйфэн оставался безучастным.

Шэнь Цинжань:

— Я жил за чужой счет, признаю свою ошибку. Впредь я буду усердно работать в поле и верну все деньги. Можешь считать это долгом, я заплачу с процентами.

Лицо Сюэ Фэйфэна побагровело.

Шэнь Цинжань уныло повесил голову:

— Я знаю, звучит бесстыдно, но... тех двух коров дома, нельзя ли отдать мне... то есть, одолжить на год. Когда они вырастут, я их верну. И если родятся телята, я не утаю их и тоже отдам.

У Сюэ Фэйфэна из ушей готов был повалить пар, ему захотелось чем-нибудь заткнуть Шэнь Цинжаню рот.

Раздел имущества?

Он еще даже не обмолвился об этом, а Шэнь Цинжань уже с нетерпением положил глаз на двух коров... А хотя да, это ведь он сам неизвестно откуда их привел, так что это нельзя было назвать «положил глаз».

От этого Сюэ Фэйфэн разозлился еще больше: Шэнь Цинжань до мелочей запомнил все, что принес в дом, и, должно быть, давно уже подумывал о разделе, верно?! Заметив, что Шэнь Цинжань отстает все сильнее, он с каменным сердцем не стал его ждать.

Для парня стая безродных псов оказалась важнее его, чего тут еще было ждать?

Смешно.

Чем больше Шэнь Цинжань говорил, тем хуже становилось, и он все сильнее отставал от шага Сюэ Фэйфэна. Глупые собаки, завидев в лесу фазана, пытались его поймать, а без поводков Шэнь Цинжань ничего не мог с ними поделать.

Шэнь Цинжань отставал все безнадежнее. В панике он бросился ловить золотистого ретривера, погнавшегося за бабочкой: ну же, быстрее, Сюэ Фэйфэн сейчас разозлится.

Ретривер не разделял тревоги хозяина и даже пригласил маламутов присоединиться к веселью.

Шэнь Цинжань посмотрел на глупых собак, затем на удаляющегося Сюэ Фэйфэна, и готов был

рвать на себе волосы. Он чувствовал себя мальчиком для битья, застрявшим между непослушными детьми и вспыльчивым мужем.

Длинные лианы стлались по земле, и Шэнь Цинжань несколько раз споткнулся. Бросив сердитый взгляд на свору, он с гневом обменял у Системы тесак и с трудом отрубил десять лоз, сделав из них импровизированные ошейники и поводки.

Когда он закончил, ладони были покрыты зеленым растительным соком, который никак не оттирался.

Получив по ошейнику, глупые собаки послушно поплелись за Шэнь Цинжанем — скажешь на восток, не смеют идти на запад. Если парочка особо ретивых пыталась разбежаться, и их поводки запутывались в траве, а морды застревали в ветвях, Шэнь Цинжань для острастки выжидал некоторое время, прежде чем их вытащить. Вскоре вся десятка научилась идти стройным рядом.

Но пока Шэнь Цинжань возился с собаками, стоило ему только моргнуть, как Сюэ Фэйфэн бесследно исчез.

Его снова бросили.

Взгляд Шэнь Цинжаня померк, грудь тяжело вздымалась. Он продолжил путь.

Когда его тащили наверх, Шэнь Цинжаню было не до запоминания дороги. Как итог, на одной из развилок он свернул не туда, куда пошел Сюэ Фэйфэн.

Сопровождаемый сворой собак, чувствуя себя чуть смелее, Шэнь Цинжань даже не заметил, как уходит все дальше в глушь. Когда он наконец спустился с горы и обогнул зеленую сосну, то надеялся увидеть у подножия ожидающего его Сюэ Фэйфэна.

Но перед ним расстилалась лишь голая пустошь.

Лицо Шэнь Цинжаня побледнело. Он ясно помнил, что у подножия горы должен быть городок, и Сюэ Фэйфэн говорил, что вечером там пускают фонарики и фейерверки, а влюбленные клянутся друг другу в чувствах — там должно было быть шумно и многолюдно.

Он оглянулся на извилистую горную тропу — густая трава уже скрыла обратный путь. Он стоял у подножия: впереди было совсем не то место, куда он направлялся, и никто его не ждал, а позади громоздились незнакомые, молчаливые горы.

Он и десять собак умирали от голода. Подняться обратно было невозможно, к тому же он не знал дороги, а в горах было еще опаснее. Пришлось, стиснув зубы, идти вперед.

Повсюду валялись груды камней. Впереди виднелась река, берега которой так густо заросли камышом, что воды не было видно, и только по шуму можно было догадаться о ее присутствии.

Шэнь Цинжань шел вперед вместе с собаками, пока наконец в конце камышовых зарослей не увидел одинокий двор.

Маленькая хижина выглядела еще более ветхой, чем дом Ли Фэна. У дверей сидел семидесяти-восьмидесятилетний старик и девочка лет тринадцати-четырнадцати со взлохмаченными хвостиками на голове.

Шэнь Цинжань подошел ближе и потянулся к кошельку. Лицо его вытянулось: падая в яму, он не заметил, как все деньги, вырученные от продажи грибов, пропали.

Этот старик и девочка выглядели настолько бедно, что, не говоря уже о корме для десяти собак, даже горстка риса, которую он хотел попросить для себя, казалась непозволительной роскошью, способной разорить хозяев.

Встретившись взглядом со стариком, Шэнь Цинжань неловко улыбнулся, собираясь лишь спросить дорогу и уйти.

Старик прожил долгую жизнь и сразу понял, что означал жест с кошельком. Было ясно, что какой-то чужестранец случайно заблудился, набрел на их дом, проголодался, но остался без гроша и не решался попросить еды.

— Проголодался? — спросил старик — кожа да кости, с совершенно седыми бровями и бородой.

На его фоне Шэнь Цинжань почувствовал, что со своей нежной кожей сможет продержаться голодным еще дней пять. Он покачал головой:

— Не голоден.

«Урррр», — предательски заурчало в животе.

Шэнь Цинжань густо покраснел, в его больших выразительных глазах промелькнуло смущение. Он сглотнул:

— Правда не голоден.

Старик усмехнулся:

— Не ходи больше в горы, ночью там волки и кабаны. Иди отсюда вдоль реки, через пару часов выйдешь к людям.

Через пару часов... Ноги Шэнь Цинжаня подкосились. К вечеру ветер усилился. Он и так дошел сюда на последнем издыхании в насквозь промокшей одежде.

— Хуан Я, еда готова? — хрипло спросил старик.

— Да, дедушка.

Старик посмотрел на Шэнь Цинжаня:

— У тебя доброе лицо, поешь с нами, а завтра отправишься в путь.

Как и повару Чжану, старику тоже приглянулся Шэнь Цинжань.

Шэнь Цинжань смущенно почесал затылок и вызвался помочь:

— Тогда я помогу вам в поле.

— Какой урожай вы бы хотели вырастить?

Старик тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышались невыразимая горечь и старость:

— Посмотри на нас с внучкой... похоже, что у нас есть земля для посадки?

Шэнь Цинжань опешил. И вправду, кругом валялись камни, и ни клочка пахотной земли не было видно.

Он только хотел спросить, почему они не переберутся в другое место, как Хуан Я принесла две миски еды. Хижина была слишком тесной, поэтому обеденным столом служили пара камней во дворе.

Старик пододвинул свою миску Шэнь Цинжаню, отчего внучка удивленно разинула рот.

— Дедушка сегодня не хочет есть, — старик с улыбкой погладил внучку по голове.

Хуан Я недовольно зыркнула на Шэнь Цинжаня, сходила в дом за еще одной миской и отдала две трети своей порции старику:

— Ты и вчера так говорил!

Шэнь Цинжань потерял дар речи еще в тот момент, когда Хуан Я принесла две миски с вареными зелеными сорняками. Только теперь он по-настоящему осознал смысл слов старика о том, что у них нет земли.

Нет земли — нет еды. Старик и девочка изо дня в день выживали, питаясь лишь дикими травами.

Это место не было райским уголком для отшельников. Здесь царили нищета, запустение и жестокая реальность, с которой он никогда раньше не сталкивался лицом к лицу.

Он смотрел на простодушного, доброго седого старика и истощенную девочку с пожелтевшим лицом. Из трех мисок больше всего зелени досталось именно ему.

Хуан Я была послушной внучкой. Дедушка уже несколько дней твердил, что не голоден, но она каждый раз оставляла ему больше всех. А дед находил отговорки, чтобы вернуть ей еду. Поэтому девочке так не понравился этот чужестранец, забравший дедушкин ужин.

Шэнь Цинжань в панике пододвинул миску обратно:

— Лучше поешьте вы, дедушка, я... я не голоден.

Старик закашлялся, да так, словно каждый кашель мог стоить ему жизни:

— Хватит вам спорить. Ешьте, давайте есть вместе.

Шэнь Цинжань поменялся мисками с Хуан Я, оставив себе всего две травинки.

Он никогда не пробовал ничего отвратительнее: грубые, как тряпка, листья застревали в горле, их нельзя было ни проглотить, ни выплюнуть. Глаза Шэнь Цинжаня покраснели, а в груди защемило.

Но на этот раз он не капризничал. С трудом разжевав траву, он проглотил ее. Если бы Сюэ Фэйфэн увидел это, то наверняка решил бы, что Шэнь Цинжань снова вытворяет какие-то глупости.

В животе неприятно забурлило. Шэнь Цинжань вместе с Хуан Я пошел к реке мыть посуду.

Строго говоря, мыть было нечего: миски блестели чистотой, ведь в них варились лишь ошпаренные кипятком листья.

Моя посуда, а затем и стирая одежду, девочка разговаривалась с Шэнь Цинжанем. Ей редко выпадала возможность поболтать во время стирки у реки, поэтому, пусть даже перед ней стоял незнакомец, слов нашлось немало.

Оказалось, старик с Хуан Я раньше жили в городе. Когда на севере началась война и стали набирать солдат, отец ушел и не вернулся. Мать тяжело заболела, на лечение ушли все деньги, пришлось продать землю, и дедушке не оставалось ничего другого, как забрать внучку сюда.

— Я чуть было не стала побирушкой.

Шэнь Цинжань смотрел на худые как щепки запястья Хуан Я, которые выжимали мокрую одежду в сто раз проворнее и сильнее, чем это делал он.

— Теперь ты мне не нравишься, — сказала Хуан Я, дожав последнюю вещь. — Твои собачки такие милые. Можно их погладить?

Шэнь Цинжань подумал: «Зато я теперь себе не нравлюсь».

Он не смел поднять глаза на Хуан Я, лишь рассеянно кивнул:

— Да, можно.

Его накрыла волна огромного стыда, вины и тревоги. И не потому, что он неосмотрительно остался на ужин, а потому, что, обладая Системой Станции Селекции, он до сих пор не принес этому миру никаких изменений.

В книге черным по белому было написано: «Через четыре года мир поразит великий голод, вспыхнет пламя войны, и земля покроется трупами умерших от голода». Но из-за собственной лени он просто и грубо решил, что раз так суждено, то пусть все умирают вместе.

Однако с того момента, как судьба изменилась, он больше не имел права позволить себе умереть от голода.

Деревня Лицзяцунь, хоть и была бедной, жила на самообеспечении, и любой, у кого были руки и ноги, мог как-то свести концы с концами. Сюэ Фэйфэн слишком берег его — он мог позволить себе два дня работать в поле, а три дня отдыхать.

Шэнь Цинжань впервые оказался лицом к лицу с такой семьей, как у Хуан Я. А в будущем таких семей станет в тысячи, в сотни тысяч раз больше.

Раньше резкое сокращение населения было для него лишь абстрактной цифрой, но сейчас Шэнь Цинжань вдруг своими глазами увидел, как этот процесс разворачивается в реальности.

Какое право он имел утверждать в прошлом, что работает в поле изо всех сил?

Какое право имел говорить, что воспринимает Сюэ Фэйфэна как родного человека и искренне старается уберечь его от возвращения на поле боя?

Он совершенно не заслуживал миски диких трав, которой с ним поделился старик, и тем более не заслуживал безграничной заботы Сюэ Фэйфэна.

Шэнь Цинжань вытер глаза: «Я просто жалкий трус, сбегающий от ответственности».

На его плечи внезапно легло что-то тяжелое. Невидимый груз, несущий колоссальные последствия.

.....

В хижине не было лишних комнат, поэтому Шэнь Цинжань развел костер снаружи. Одолжив одежду у старика, свою он постирал и повесил сушиться, решив перебиться ночь под деревом.

За этот день произошло слишком многое. Он отсутствующим взглядом смотрел на огонь, потерявшись в собственных мыслях.

Хуан Я принесла ему одеяло и еще одну миску зелени:

— Ты, наверное, не наелся. Это порция на завтра, тоже съешь. А утром я еще соберу.

Шэнь Цинжань надолго замер, а затем окликнул девочку:

— Что ты любишь есть?

Хуан Я:

— Я люблю мясо, и еще большие персики, много-много...

Когда она ушла в хижину, Шэнь Цинжань вырыл тесаком ямку в земле:

— Я хочу посадить персиковое дерево. Пятилетний саженец, чтобы зацвел и принес плоды уже в этом году.

Система: «Где это видано!»

Но, видя, как Шэнь Цинжань сегодня настрадался и вроде бы внезапно взялся за ум, Система нехотя выдала ему три дерева. Не везет в любви — может, Шэнь Цинжань с новыми силами сосредоточится на карьере! Нужно вовремя его поощрять!

Шэнь Цинжань обошел хижину кругом и, точно так же, как когда-то сажал тутовые деревья, высадил все плодовые культуры и злаки, которые только были доступны в Системе.

Система была поражена усердием Шэнь Цинжаня; казалось, он решил разбить здесь целый фруктовый сад.

Немного подумав, Шэнь Цинжань спросил:

— Какое максимальное количество провизии можно обменять на двадцать тысяч баллов?

Система по-дружески напомнила:

— Тесак стоил двести баллов, у тебя осталось 19800. На них можно получить двадцать цзиней риса, или двадцать цзиней муки, или...

Шэнь Цинжань перебил ее:

— Десять цзиней риса, десять цзиней муки. Помести их прямо в хижину.

Деньги утекали, как вода; цены в Системе были астрономическими.

Глядя на обнуленный счет, Шэнь Цинжань помолчал. Используя тесак как мотыгу, он раз за разом выкапывал ямки и бросал в них семена. Вдоль берега реки он высадил два ряда черных бобов, два ряда соевых и два ряда маша.

Казалось, его силы были неисчерпаемы.

Система начала паниковать, опасаясь, что Шэнь Цинжань умрет от переутомления. Если Шэнь Цинжань не обращался к ней сам, она не могла читать мысли хозяина, и потому заподозрила, что парень получил слишком сильный удар из-за несчастной любви.

«Обнаружено, что запас вашей энергии на сегодня полностью исчерпан. Рекомендуется продолжить посадку завтра».

Шэнь Цинжань рассадил множество грибных спор в тени деревьев, словно и не слыша предупреждения Системы. Облизнув пересохшие губы, он с горечью произнес:

— Если бы на моем месте был кто-то другой, он бы наверняка обеспечил их едой так, чтобы хватило на всю жизнь.

Он уже не мог удержать тесак, поэтому просто опустился на землю и голыми руками раскопал участок среди камней, бросив туда пригоршню семян овощей.

Механически повторяя одно и то же действие, он словно ничего не чувствовал, хотя из-под его ногтей уже сочилась кровь.

Разгребая землю, он внезапно наткнулся на корень дерева, едва не сломав мизинец.

Увидев этот корень, Шэнь Цинжань нервным движением схватил тесак и отрубил кусок, желая попробовать его на вкус.

Корешки и древесная кора — разве не ими питаются во времена великого голода?

Будучи трусом, бегущим от ответственности, по какому праву он мог питаться лучше, чем другие?

.....

Когда Сюэ Фэйфэн обнаружил, что Шэнь Цинжань пропал, он запаниковал не меньше, чем в первый раз.

Только теперь он потерял его своими собственными руками.

Узнав, что Шэнь Цинжань — мужчина, переодетый женщиной, и поклявшись себе больше никогда не проявлять снисхождения к обманщикам, Сюэ Фэйфэн был вынужден признать один неопровержимый факт.

Заклучался он в том, что он никогда не сможет отпустить Шэнь Цинжаня.

Когда разум, затуманенный гневом и горечью обмана, прояснился, Сюэ Фэйфэн нашел в своем сердце истинный ответ.

Перестав обманывать самого себя, он с силой отвесил себе пощечину и вместе с подоспевшими

братьями Чан начал тщательно прочесывать каждую возможную горную тропу.

Шэнь Цинжань шел с собаками, оставляя после себя слишком очевидные следы.

И когда Сюэ Фэйфэн посреди бескрайней пустоши увидел сидящего под деревом Шэнь Цинжаня... он увидел, как его сокровище, которое он лелеял все эти месяцы, от голода жует землю.

В это мгновение во взгляде Сюэ Фэйфэна вспыхнула дрожь. Он понял, что даже отдать свою жизнь за Шэнь Цинжаня было бы недостаточно.

<http://bllate.org/book/17933/2024414>